

Борьба продолжается

Продолжаем публикацию коллективной повести-литописи о защите и становлении Советской власти на Алтае. Сегодня внимание читателей предлагается ее четвертая глава. Первые главы напечатаны в №№ 156—158, 171—173, 216—217.

***

На исходе февраля над Барнаулом разбушевался сибирский буран. Белое пламя его ошалело металось по дворам и улицам, вихрилось, полыхало над крышами домов. Зима встречала весну по своему обычью.

Город притих, будто прятался в сугробах, опенек от стужи. Так уходила зима тысяча девятьсот семнадцатого года.

Уже нескользко дней на городской телеграф не поступали столичные известия для печати. Уездная газета «Жизнь Алтая» выходила с опозданием и почти вся заполнялась торговой рекламой, бесчисленными заметками о пожарах, убийствах и ловких кражах. Не привозили новостей и пассажирские поезда. Что происходило на белом свете, на фронтах войны с Германией, на просторах Российской империи — никто ничего не знал.

Буран утих только поздним вечером первого марта, утих внезапно, как и начался. И тотчас от вокзала к городу отъехал извозчик с двумя седоками в кошевке.

Подхлестывая кнутом коня, извозчик тяжко оглыдывался по сторонам, косился на молчаливых седоков, жестами показывающих дорогу.

— А ну, пошевеливай. Не рано! — подбадривал он коня.

Ему хотелось поскорее проехать «пески» — обширный пустырь между привокзальным поселком и городом — самое бесплодное место, где нередко случались грабежи и убийства приподавших путников.

За большим песчаным холмом дорога шла под уклоном по Соборному переулку. Здесь меньше было заносов, и конь прибавил прыти. Оба путника, одетые легко, по-рабочему, угрюмо молчали, будто окоченели от холода. Это были слесари железнодорожного депо Яков Петруха и Михаил Фомин — товарищи по труду и партийному подполью Барнаула.

Кошевка остановилась на улице Гоголя, недалеко от Демидовской площади, против двухэтажного дома отставного почтмейстера Максимилиана Симонова. Седоки торопливо расплатились с извозчиком и скрылись в темной калитке.

Извозчик знал, чей этот дом, а седоков принял за глухонемых и потому не постыдился вслух посочувствовать хозяйину:

— И чего шляются ночью? То-то обрадуются в доме таким гостям! Руки заболят от разговоров!

Сердито отрихнул полог кошевки, прикрыл сиденье и повернулся к стоянке экипажей на Соборной площа-

ди. Поднимаясь на крыльце дома, Петруха толкнул локтем Фомина.

— А мы-то, дуриши, и не подумали об этом. Молчим, как воды в рот набрали. Получилось не нареком, да, сдается мне, кстати...

В доме еще не спали. Дверь открыла добродушная, словоохотливая старушка.

— Проходите, проходите, — провела она пришельцев в маленькую, уютную кухоньку, освещенную тусклым электрическим светом. — Слышишь стук, а не поймешь: то ли в дверь колотят, то ли ветер калиткой хлопает. Надо бы прикрыть, да выходит нехотя в такую непогоду. Никак утихает? Пора уж...

Из кухни наверх вела узкая деревянная лестница. Плотному Фомину она показалась тесноватой и крутой, как на паровозе, а Петруху взобралась по ней легко и свободно.

— Прямо — его комната, — направствовала хозяйка. — Еще занимается, поди. И когда только спит, беднага?..

Она немало была удивлена, что к квартиранту, инструктору Алтайского союза кооперативов Матвею Константиновичу Цаплину, в такую пору похваливали гости. Жил он тихо, почти уединенно. Старушка хорошо знала все его привычки и распорядок жизни как близкого, родного человека, возможно зятя... Знала его немногих друзей и знакомых, а этих видела впервые.

Петруха и Фомин застали Цаплина за рабочим столом. Он испытующе окинул их взглядом и стремительно поднялся навстречу.

— Что случилось? Почему явились сюда? — Тонкое лицо его с черными красивыми усами и такими же бровями стало сухим, твердым, а проницательные глаза — гневными. От коренастой фигуры веяло здоровьем и силой. — Это хорошо, если никого не приволокли на «хвосте»! Может, не заметили? — сердился Цаплин.

— Теперь не страшно, в Питере революция, царя свергли! — почти враз выпалили гости.

— Вот, читайте! — Петруха подал Цаплину копию телеграммы члена Государственной думы и министра путей сообщения Бубликова начальнику Алтайской железной дороги Ларинову.

Цаплин бегло прочел телеграмму.

— Наконец-то рухнул царский режим!

Прочел еще раз, спросил:

— Как попала к вам?

Свой человек на вокзальном телеграфе... Шли с работы, заглянули... Как раз подгадали под горячие блины, — весело шутил Петруха.

— На извозчика и сюда!

Фомин вспомнил, как извозчик принял их за глухонемых.

— Даю мы так не смеялись!

— заключил он свой рассказ. Цаплин нахмурился.

— Да, товарищи, конспирация не помешает делу... Осторожно оговестите о событиях верных людей в вашей стороне, кого знаете. Пошли на надежных людей на механический завод Алойникова и Аверина, в поселок кожевников под Гладеном. От вас ближе...

Уловились о месте встречи.

Когда ушли железнодорожники, Цаплин перечитал телеграмму. О свержении царя говорилось ясно, а дальше шли какие-то трусливые слова о должном порядке на железной дороге, о мерах избежания волнений.

В эту ночь Цаплин не спал. Радостная весть взволновала и озадачила. Он долго ходил по комнате, осмысливая вероятный ход событий в стране и городе. Только под утро прояснилось главное в раздумьях: «За кем пойдут рабочие, крестьяне и солдаты — тот и окажется у власти. Теперь как никогда, нужна открытая политическая работа в мас-сах. И... связь, оперативная связь с партийным центром... Пожалуй, правы Фомин и Петруха — пора выходить из подполья».

2

Уже второго марта многие барнаульцы знали о свержении царя. Знали в Бобринском затоне, под Гладеном, на пристани и железнодорожной дороге.

А в городе, казалось, все было по-прежнему. И только 4 марта газета «Жизнь Алтая» опубликовала телеграммы о событиях в Петрограде. Эта весть забудоражила всех. В городах и селах началась необычное оживление.

Вечером в Барнауле открылся митинг в Народном доме. Рабочие впервые собрались открыто, говорили смело, как думали:

— Войну кончать надо! Один разор от нее несчастья!

— Полосать приветствие Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов!

— Создать в городе свой Совет!

— Почему солдаты заперты в камарах? Позвать их на митинг, пусть знают правду! Кого бояться — наши же дети!

А солдаты услышали эту новость еще днем... Она залетела на улицы, от горожан.

«Как вот почему прекращены учебные занятия на плацу и запрещены увольнительные в городе», — думали солдаты.

Кто посмелее, негодовали:

— Сиди в казарме, парся на словесности!

— Вот и зурин родословную царя-батюши, а его уже Митлькой... то бишь, Миклой звали.

Н. Д. МАЛКОВ.

Пятого марта солдаты, занятые на уборке двора и охране города, видели, как прошла к тюрьме колонна демонстрантов с красными флагами.

— Пристраивайтесь, чего смотрите! Идем освобождать политических. Царя-то уже нет! — кричали демонстранты солдатам. Но солдаты не смогли принять участия в демонстрации. Накануне полковник Жевандров — командир 24 запасного стрелкового полка — приказал офицерам безотлучно находиться в казармах, запретил увольнительные в город и учебные занятия на плацу.

Офицеры по-разному относились к происходившему. Одни мрачно посмотревали, как ликуют горожане у тюрьмы, и готовы были в любую минутупустить в ход оружие, был бы приказ. Другие радовались, рассказывали солдатам о событиях в городе.

Здесь же, в мезонине этого дома, была квартира полковника Жевандрова, выжидала, куда повернут события в Петрограде. Но по тону приглашения он понял, что наступил решительный момент. Теперь уже нельзя было выждать и уклоняться от встречи с полком.

Сдерживая гнев, полковник спросил:

— Вы приглашаете или приказываете, господин капитан? И, как бы сощупавши, вдруг резко крикнул:

— Постройте полк! Приеду.

Пригласили и полковника Ставшевского. Тот раздраженно ответил:

— Да, слухи есть, что император отказался от престола... Но я не разрешаю никаких митингов! Будьте и вы благороднее... Не вынуждайте на крутые меры!..

(Продолжение следует.)

Ф. ЕЛЬКОВ, В. УСАТЫХ.

Город продолжается

Продолжаем публикацию коллективной повести-летописи о за-
воевании и становлении Советской власти на Алтае. Сегодня вни-
манию читателей предлагается продолжение четвертой главы.
Первые главы напечатаны в №№ 156—158, 171—173, 216—217, 240.

* * *

А на плацу уже выстроились сол-
даты.

Тут же оказался и полковой свя-
щенник Долинин — рослый, весь
чёрный, пышногривый и гладкий, как стоялый конь. По меткой сол-
датской кличке — Воронко. Он при-
глядывался ко всем, сопел, втяги-
вая воздух широкими ноздрями,
будто приюхивался — чем пахнет?

Полк выстроился около трибуны с трех сторон. Но в строю не было Малюкова, Сулима и Корнякова. Не оказалось отделения солдат-фрон-
товиков в роте Носкова. Его увел
куда-то прaporщик Казаков.

Над строем солдат курилось обла-

ко пара. Все продрогли в ожидании команды «смирно», а ее все не было. Полковник Жевандров не торопился в полк. К нему пришли комиссары «Комитета общественного порядка», предложили в два часа дня вывести части гарнизона на городской митинг. Разговор оборвался на полуслове. Предложение комиссаров взбесило полковника.

«Пусть собираются, митингуют... — размышлял он. — Увидят, чем все это кончится!».

Это был пожилой, плюгавый, но непомерно властный, жестокий и коварный человек. «Сатана из пре-
исподней» — называли его солдаты.

По пути в полк Жевандров заглянул в офицерское собрание. Там было пусто. Он вызвал по телефону командира учебной команды поручика Прозорова. Тот находился в расположении своей команды, на углу Соборного переулка и площади. Приехал быстро.

Полковник испытующе уставился в глаза поручика, приказал:

— Немедленно поставьте цугцук на колокольне полковой церкви, вторая — у штаба. Свою команду держите в боевой готовности. Дополнительные указания только от меня.

Распорядился и уехал в полк. На

плацу

появился в кошевке, остановился почти у самой трибуны. Митинг открыл капитан Яковлев.

— Братцы-солдаты! — обратился подразделения! Не позорьте своей чести!

Митинг был сорван. Полковник подождал, когда разой-

взгоды, отрекся от престола. Народ переживает смутные дни. Наш воинский долг и принятая присяга повелевают нам поддерживать дисциплину в своих рядах и законный порядок в городе. Братцы, не ослабнем духом в трудный час. Пусть закон сурово покарает всякого ослушника воинской присяги!

Не сходя с трибуны, Жевандров представил слово полковому священнику. Тот обнажил черную голову, густым трубным голосом прогрязно возгласил:

— Господу Богу угодно было послать нам тяжкое испытание — войну. Но нас постигло еще горшее несчастье — царь наш, помазанник Божий, отрекся от престола. Богохульники, нечестивцы и смутьяны оскаверяют его лицо. Но мудр и терпелив всевышний! Да вразумит он маловеров и заблудших на помыслы и дела праведные! Уловаем и на вас, яко на защитников святой веры и отечества нашего от врагов внешних и внутренних. С нами Бог и его благоволение!

Как только умолк Воронко, Жевандров скомандовал:

— Господа офицеры, разведите пуговицы пальто. В прорези кармана виднелась сургучная головка бутылки.

— Это зачем же, в такой день? — указывая на бутылку, спросил Корняков.

— Для подкрепления духа моего,

идучи на святое дело против супостатов! — не побийтай своего положения, гудел Воронко.

Корняков указал на стул.

Увидев Жевандрова и командира конной дружины на необычных местах и безучастными ко всему, священник понял, что и он арестован.

Тем временем Малюков и Казаков дали указания частям гарнизона выходить на городской митинг.

Горожане встретили солдат у собора и толпами сопровождали до Демидовской площади.

В центре площади, где гордо возвышался гранитный обелиск, белела деревянная трибуна. Вокруг нее выстроился многотысячный гарнизон солдат. За ними, как море, колыхалась людская толпа. Такого много-людия здесь не бывало никогда. Пришли не только горожане, сюда ехали на подводах, шли пешком крестяне, прибывшие на базар.

Алеха оказался вплотную прижатым к ополченцам.

— Никак на фронт? — пропискаваясь в строй солдат, спросил Алеха.

— Типун тебе за язык, необстрелянная ворона, — оборвал его кто-то из фронтовиков. Алеха подпернулся, вытер культикой внезапно вспотевшее лицо.

— Баба обрубила, что ли? — продолжал все тот же голос.

Алеха опустил голову, горло пещрватила горечь обиды, по лицу покатились слезинки.

— Ты что, дядя.. Я ведь не хотел этого, прости, — уже ласково заговорил обидчик.

— Не от того я. Бумага с фронта пришла — брательника убили, дети малые остались...

Митинг начался спокойно. Городской голова Бирюков огласил телеграммы об отречении царя от престола.

Бурно стало на площади после выступления «Комитета общественного порядка», уже образовавшегося из представителей буржуазии и соглашательских партий. От имени комитета заводчик Окороков призывал соблюдать порядок в городе, поддерживать Временное правительство в его «благом» деле — довести войну с Германией до победного конца. Оратора проводили гневным гулом.

На трибуну поднялся мешковатый ополченец с клокастой бородой. Он не говорил, а выкрикивал слова осипшим от простуды и волнения голосом:

(Продолжение следует).

Борьба продолжается

Продолжаем публикацию коллективной повести-летописи о за-
воевании и становлении Советской власти на Алтае. Сегодня вни-
манию читателей предлагается продолжение четвертой главы.
Первые главы напечатаны в №№ 156—158, 171—173, 216—217, 240,
241.

***

— Вот глядите. Почему я такой? Тут есть борода, а тут — нету. Однажды из кармана щипнули клок волос.

— Вот она! Это наш ротный, охвачен Львов, вырвал. Какой такой порядок, товарищи-граждане? А тут опять на старое гнуть... Это как можно?

Из рядов раздались возгласы:

— Арестовать Львова! Пусть не издается над солдатами!

Пропорщик Львова здесь же арестованы и отправили на гауптвахту.

— Посадить начальника гарнизона и воинского начальника — однозначно ютились...

Рядом с ополченцем на трибуне появился Георгий Коряков. Звонким голосом объявил на всю площадь:

— Жевандров и Станевский уже арестованы.

Тишину снова нарушили одобрительные возгласы и шум аплодисментов.

Ополченец и Коряков сошли с трибуны. Площадь опять притихла.

Ораторы выступали от каждой партии. И откуда такие взялись?

Звучали волнующие слова: революция, свобода, республика... И каждый оратор стоял за революцию, за свободу и республику. Но пробуй-ка разберись — какую?

Выступали на митинге и большевики. И хотя их мало было тогда в Барнауле и состояли они еще в одной партийной организации с меньшевиками, но лозунги их были понятны и близки рабочим, солдатам и крестьянам. Большеевики требовали создать Совет рабочих и солдатских депутатов.

На другой день собрались на митинг рабочие крупнейшего предприятия Алтая — Барнаульских железнодорожных мастерских. Трибуны были железнодорожная плат-

форма. Ее подкатили к вагонному дежу.

Представители барнаульской буржуазии, эсеро-меньшевистские лидеры, разраженные по-праздничному, с достоинством поднимались на импровизированную трибуну.

Игря словами, высунули меньшевика Николаева.

— Пришло, спершилось небывалое, но долгожданное чудо! Веками терзал измученное тело России матушки двуглавый хищник. Но лучшие сыны родины напали в себе силы, чтобы сбросить жестокого насильника, расстоптать и повергнуть его в пах! Обновленная Россия впервые вздохнула полной грудью. Чтобы это дыхание было ритмичным, необходимо поддерживать Временное правительство, его стремление вести войну до победного конца против иноземных поработителей — немцев!

По толпе прокатился гул возмущения — это что ж получается: даръ гнал на войну, а теперь Временное правительство гонит.

— Долой войну!

— Ты, гражданин хороший, нам мозги не затуманивал — не малые дети, у самих на войне усы в три аршина отросли...

На платформу поднялся Цаплин, поднял руку. И снова многоголосая масса превратилась в слух.

— Самодержавия в России не стало, — начал Цаплин. — Но к власти пришло Временное буржуазное правительство. Оно не может защищать интересы народа, потому и намерено продолжать войну. А народу нужен мир! Большеевики заявляют: революция еще не завершилась, надо углублять ее, создавать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рабочую Красную гвардию — боевую силу революции. Старый мир не уступит своего места без борьбы. Это наглядно показали вчерашние события в воинском гарнизоне нашего города.

— Правильно! — полетело по двору, гулко отозвалось в морозном воздухе.

На трибуну поднимались все новые ораторы — рабочие-железнодорожники.

В их речах — полная поддержка линии большевиков.

Митинг закончился пением «Марсельезы».

Взволнованные рабочие расходились по домам с думами о предстоящей борьбе за свою власть.

Известие о падении царизма поступило в Бийск, Камень, Змеиногорск, залетело в покосившиеся крестьянские хаты. Всюду собирались сходы-митинги.

На сходе в селе Боровском Барнаульского уезда крестьяне наперебой кричали:

— Доколе будет изыматься на-
чальство над музыкой? Руки в мо-
золях, а живьем вырогоход!

— Кругом лес — шаги дров не
выпросишь. Разве это порядок?!

К столу, за которым сидел писарь, прихрамывая, подошел демобилизованный солдат.

— Царя не слало — к чертам сабачьим урядникам и стражникам. Одни притеснения от них!

— Правильно говорит солдат! — загудел сход.

— И земля должна быть крестьянской! — ссыпалась головы.

— Назначайтесь обездычиков от общества! — кричали возбужденные крестьяне.

Перепуганное начальство Алтайского округа 12 марта с тревогой доложило:

«Резко нарушено течение общественной жизни округа... Разгоревшиеся страсти в толпе на митингах... смелые выступления против администрации округа возбудили умы среди служащих и полную неопределенность положения».

3.

Бурными мартовскими днями возвращались из ссылки старые подпольщики-большевики. Из Минусинска прибыл Иван Венифиатович Присягин. Вернулся из Енисейской губернии венчий поселенец, рабочий-водник Михаил Александрович Яровков, участник революционной борьбы на Алтае в 1905—1907 гг. Из тех же мест появился в Барнауле Сергей Михайлович Сычев — профессиональный революционер с 1905 года.

Приехали ссылочные барнаульцы-большевики переметчик Тимофей Федорович Фофанов, печатник Федор Дмитриевич Ильиних.

Теперь с новой силой развернулась борьба большевиков за массы. На митингах и собраниях большевики разъясняли истинный смысл того, что происходит в стране, говорили о самых скованных душах и надеждах рабочих.

Революционная волна народа смела самодержавие, — говорил И. В. Присягин у железнодорожников. — Но к власти пришла буржуазия. Она не будет защищать интересы рабочих и крестьян. Народ не хочет войны, а Временное правительство намерено вести ее до победного конца. Крестьянам нужна земля, но управление Алтайского округа с согласия «Комитета общественного порядка» сохранило в силе все царские законы и запреты на кабинетские земли и леса, неизменными остаются налоги. И такие, с позволения сказать, «порядки» большинством своим поддерживает Барнаульская городская дума.

Меньшевик Спекторский, весь как на пружинах, бросил в глубину паровозоборочного щита:

— Говорить так — значит новые рельсы ржавыми костылями крепить. Как мыслите управлять экономикой в трудный час для родины? Отдать Россию на милость победителя? Не выйдет! Ваш паровоз на этом пути не пройдет и метра — свалится в кювет.

Рука его застыла в воздухе. Он ждал поддержки, хотел что-то еще сказать.

Тишину нарушил молодой женский голос. Это была Елизавета Голубева.

— Я врач, знаю, как лечить многие болезни. Уверена, что хорошо знают и рабочие, какими костылями крепить им рельсы. Но не все рабочие знают, как устроить им жизнь. Большеевики обязаны им помочь и помогут!

Цех наполнился шумом аплодисментов.

Присягин продолжил:

— Выходит так, что власть новая, да порядки старые. В нашем городе «обновились» лишь полиция. Она вдруг стала называться «народной». Те же чопольцкие стали носить на левом рукаве красную повязку с белыми буквами «НП».

Рабочие вспоминали,

по предложению Присягина железнодорожники решили создать у себя профсоюз.

За короткое время большевикам удалось создать профсоюзы у водников, пимокатов, строителей, кочегарников, шубников, металлистов. Был создан в Барнауле общегородской профсоюзный орган — центральное бюро профсоюзов. Его возглавил И. В. Присягин.

(Продолжение следует).

Ф. ЕЛЬКОВ. В. УСАТЬИХ.

Борьба продолжается

Продолжаем публикацию коллективной повести-летописи о захвате и становлении Советской власти на Алтае. Сегодня винимо читателей предлагается окончание четвертой главы. Первые главы напечатаны в №№ 156—158, 171—173, 216—217, 240, 241 и 242.

***
Профсоюзы все активнее включались в политическую борьбу. Профсоюз пимокатов, руководимый большевиком А. А. Селезневым, 12 июня обсудил вопрос об отношении к войне и коалиционному Временному правительству. Пимокаты осудили политику продолжения войны. Потребовали опубликования тайных договоров царского правительства, высказались за переход всей государственной власти в руки Советов. Такие же резолюции принимали на своих собраниях и другие профсоюзы.

Небывалое, радостное зрелище.

Праздник начался людскими по-

токами на улицах. В колоннах смея-

лись переклички приветствий,

звенела, музыка, песни:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.

На деревянных тротуарах — не-

стрые толпы. Тут больше тех, кто

смотрят нагло, презрительно. Ста-

рый мир потеснился, но не исчез. А

мимо плывет тревожно-грозное:

Вихри враждебные веют над

нами,

Темные силы нас злобно гнутут.

В бой роковой мы вступили

с врагами,

Нас еще судьбы безвестные

ждут.

И следом призываю, решительное:

Смело, товарищи, в ногу,

Духом окрешнем в борьбе!

В царство свободы дорогу

Грудью проложим себе!

После демонстрации и митинга на

Соборной площади не все разошлись

по домам. Многие горожане семьями направились в бор, за Барнаул-

ку, на места прежних маевок. Там, за монастырем, молчаливый бор долго оглашался смехом, ауканiem и песнями гуляющих. Никто не чаял, что эту радость скоро придадут большевики.

В конце вечер подул горячий, сухой ветер. Бор глухо зашумел, упруго закачались вершины сосен и берез. Люди поспешили домой.

А ветер не унимался и ночью. К полудню второго мая город окуталась пылью. Забурлила, всенепакилась Обь. Начался ураган. И вскоре к его неистовому гулу и свисту привился тревожный колокольный звон — вестник пожара. Со станции доносились гудки паровозов.

Пожар позник на Томской улице, во дворе пожарника Букова, около забора, отделяющего двор соседа — торговца детям и смолой. За этим забором находился склад его товара. Когда огонь дошел до склада, смола всхихнула, взметнувшись столбом пламени и черного дыма. Ветер перекинул огонь на крыши соседних построек и погнал его дальше, к Оби. Пожар расходился веером как раз по центру города. Горели деревянные и каменные дома, горело все, что было на пути огня. В короткое время пожар распространился от Конищенского переулка до Оби, пирсуясь по Московскому проспекту от базарной площади до Полковой улицы. Катился по городу огненный валом.

Совет создал комиссию по размещению погорельцев в уцелевших домах и распределению продовольствия. Он поручил большевику Яркову организовать выпечку хлеба и открыть питательные пункты для погорельцев, еще скитавшихся на окраинах города. Совет обратился за помощью к городам Сибири.

К вечеру пожар охватил десятки кварталов города, самых благоустроенных и густо населенных. Люди спасались от огня под крутым берегом Оби, бежали в городскую рощу, к горе, за Барнаулку. Многие скорели, не успев уйти. А те, кто

пытался уплыть на лодках, тонули в яростных волнах реки. Пароходы не могли приближаться ни к пристани, ни к берегу.

С первых часов разразившейся стихии большевики и Совет рабочих и солдатских депутатов стали организаторами борьбы с нею. Рабочие, солдаты и дружинники действовали от имени Совета. Они спасали от огня и охраняли имущество погорельцев, вывозили продукты питания и товары из кузнеческих складов и магазинов. Совет мобилизовал конные обозы частей гарнизона и ломовых извозчиков. Все связали в безопасные места: на берег Барнаулки, против моста у городского сада, и на Демидовскую площадь. Тут образовались горы ящиков, мешков и тюков. Из магазина и склада купца Козловского высыпало двести десять вагонов товаров. На Демидовской площади штабель мешков с сундуками возвышался вровень с каменным обелиском.

Но этого продовольствия оказалось недостаточно даже для одних только погорельцев. На следующий день по предложению большевиков Совет решил учсть и конфисковать запасы продовольствия у всех купцов города. Это вызвало яростные нападки меньшевиков, защищавших неприкосненность частной собственности. Комитет порядка, городская дума и только что избранное городское Народное собрание так же отставали свои, буржуазные интересы, но под давлением рабочих согласились с таким решением.

Совет создал комиссию по размещению погорельцев в уцелевших домах и распределению продовольствия. Он поручил большевику Яркову организовать выпечку хлеба и открыть питательные пункты для погорельцев, еще скитавшихся на окраинах города. Совет обратился за помощью к городам Сибири.

Комиссия поручила вновь избранному комитету наметить кандидата на II Всероссийский съезд Советов. Конференция находилась в заседании.

Конференция сплотила большеви-

ков Алтая и подтвердила, что рабо-

чие, крестьяне и солдаты стоят за

переход власти Советам.

В конце октября поступили известия о вооруженном восстании в Петрограде. Сразу же большевики Барнаула пошли в рабочие коллективы. Они провели собрания строителей, металлистов, водников, пимокатов, железнодорожников, у солдат гарнизона.

В главных мастерских Алтайской железной дороги выступили И. В. Присягин и И. Д. Малюков. Здесь

в борьбе с последствиями пожара

высоко поднялся авторитет Совета

в городе.

Увеличилось и влияние

большевиков среди рабочих и

в Совете.

Но борьба за власть еще обострилась.

Барнаульская буржуазия и

местные органы Временного прави-

тельства не гнушались ничем,

чтобы подорвать авторитет

ненавистного

им Совета и оторвать большеви-

ков.

С новой силой большевики развернули борьбу за Советы, стали гото-

виться

массы к социалистической

революции.

Авторитет большевиков среди рабо-

чих, крестьян и солдат с каждым

днем возрастал.

Крестьяне заявляли:

«Вот это наша партия — большеви-

ки, хотя и резко пишут, а справед-

ливое, за то их не любят бур-

жуазия. Она и на Ленина поклон

воздвигает.

Сергей — старый

революционер».

(Газета «Голос

труда», № 49, 30.IX.1917 г.).

Первого сентября Барнаульский

Совет рабочих и солдат перешел в

руки большевиков. Вместо меньшеви-

ка В. Шемелева

председателем

его был избран М. Цаплин.

Большевики Барнаула в телеви-

граммах Центральному Комитету пар-

тии сообщали: «Большинство рабо-

чих и солдат идет за нами. Оборон-

цы теряют влияние. В Совете боль-

шевиство наше»...

2 октября в Барнауле открылась

Алтайская губернская конференция

большевиков.

На ней выступили

Приисягин, Цаплин, представители из

Бийска, Камы, Славгорода.

На кон-

ференции М. К. Цаплин отмечал:

«После выхода барнаульских

большевиков из объединенной орга-

низации влияние их в массах быст-

ро возросло, рабочие стали вступать

в большевистскую партию. В мо-

мент разрыва с меньшевиками орга-

низация

встречала

против

огульного обвинения инициативы

борь

за волю и свободу народа — рабо-

чих, солдат и крестьян, восстав-

ших за передачу государст

венной власти в руки трудового пар

тода».

Н. Д. Малюков призвал рабочих

железнодорожников

вступать в

Красную гвардию, крепить боевую

силу революции.

В поддержку революционного

Петрограда выступали рабочие и

солдаты Бийска, Камы, Славгорода.

Пятого ноября состоялось об-

щее собрание Барнаульской партий-

ной организации. К этому времени

в ее рядах насчитывалось около

300 человек.

Собрание выразилось за пол-

изацию соглашательских

партий от масс, за всемерную по-

мощь петроградскому пролетариа-

ту. Принята на собрании резолю-

ция заканчивалась словами:

«Наш привет восставшему и побе-

двшему пролетариату и гарнизону!

Наш привет Правительству народ-

ных комиссаров!

Да здравствуют Советы рабочих,

солдатских и крестьянских депу-

татов!

Успехи вооруженной борьбы рабо-

чих и солдат Петрограда воодушеви-

ли трудящихся и ускорили по-

беду социалистической революции

на Алтае.

30 октября собралось около 700 ра-

бочих и служащих.

Рабочие Петрограда свергли

Временное правительство и взяли

власть в свои руки! — во весь голос

объявил Присягин. И передваж, когда

да стихнут аплодисменты, продол-

жалася:

«Вот это наша партия — большеви-

ки, хотя и резко пишут, а справед-

ливое, за то их не любят бур-

жуазия. Она и на Ленина поклон

воздвигает.

Позор! — с возмущением кри-

чали железнодорожники.

Собрание приняло резолюцию:

«Принимая во внимание угрозу

революции со стороны подавившей

голову контрреволюции и то тяже-

лое положение, в котором находится

страна, доведенная до края гибели

буржуазным правительством, ...со-

брание... горячо протестует против

огульного обвинения инициативы

борь

за волю и свободу народа — рабо-

чих, солдат и крестьян, восстав-

ших за передачу государст

венной власти в руки трудового пар

тода».

Барнаул после пожара. Снимок 1917 года.